

- ³⁶ Набоков В. Король, дама, валет. С.167.
- ³⁷ Набоков В. Дар // Набоков В. Собр соч.: В 4 т. М., 1990. Т.3. С.217.
- ³⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т.4. С.226.
- ³⁹ Набоков В. Истинная жизнь Себастьяна Найта // Набоков В. Собр соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т.1. С.75. «Две линии, которые в конце концов сходятся в точке встречи, в действительности – не прямые стороны треугольника, неукоснительно расходящиеся к неведомому основанию, но волнистые кривые, которые то разбегаются, то почти соприкасаются. Иными словами, в жизни этих людей имелось самое малое два случая, когда они, не ведая друг о друге, едва не встретились. В каждом случае судьба, казалось, готовила встречу со всевозможным тщанием... но всякий раз небольшая ошибка (тень упущения, заделанная лазейка оставленной без присмотра возможности, прихоть свободной воли) отравляет радость детерминиста, и две жизни вновь разбегаются с нарастающей скоростью...»
- Но судьба слишком настойчива, чтобы теряться от неудач. И окончательного успеха она достигает посредством таких тонких махинаций, что не раздается и легкого щелчка, когда эти двое сходятся» (Набоков В. Истинная жизнь Себастьяна Найта. С.76–77).
- ⁴⁰ Набоков В. Дар. С.237.
- ⁴¹ Набоков В. Ultima Thule. С.441.
- ⁴² Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С.473.
- ⁴³ Набоков В. Другие берега. С.236.
- ⁴⁴ Набоков В. Превратности времен // Набоков В. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1997. Т.3. С.240.
- ⁴⁵ Аверин Б.В. Дар мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. С.277–279.
- ⁴⁶ Там же.

УДК 882.09 + 929 Платонов

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И ЕЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ

Л.В. Червякова

Саратовский государственный университет,
кафедра русской литературы XX века
E-mail: Philology@squ.ru

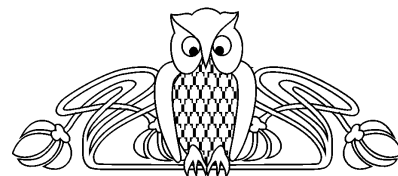
В статье осуществлен анализ категории пространство в художественном мире Андрея Платонова как многоуровневой структуры. Обозначены философские характеристики каждого из пространственных уровней, выявлены значимые связи с художественным временем и определено экзистенциальное содержание этих категорий.

Category of Space in Andrey Platonov's Artistic World and its Existential Essence

L.V. Chervyakova

The article analyzes the category of space in Andrey Platonov's world as multilevel phenomenon. It describes philosophical characteristics of every space level, reveals the significant connections with the category of time, and offers the interpretation of the existential meaning of these categories.

Пространство в художественном мире А. Платонова – это сложная, многоуровневая структура, в которой можно выделить *космический*, *земной* и *человеческий* уровни, существующие параллельно. Модель художественной вселенной писателя может быть представлена следующим образом: «По небу страшно неслись рваные черные облака –

остатки далекого проливного дождя. Вверху был, наверное, ночной вихрь, а внизу было смутно и бесшумно, даже слышалось, как ворочались куры у соседей и скрипели плетни от движения мелких безвредных гадов»¹. Соотнесение этих пространственных уровней позволяет определить их основные экзистенциальные характеристики, место и роль человека в бытийном пространстве.

Пространственными характеристиками природного мира становятся его *пустота* и *безмолвие*, что создает ощущение отсутствия жизни и противопоставляет его человеку: «Она (Соня Мандрова. – Л.Ч.) глядела на небо из окна школы и видела звезды над *тишиной*² ночи. Там было такое *безмолвие*, что в степи, казалось, находилась одна *пустота* и не хватало воздуха для дыхания; поэтому звезды падали вниз» (с.85). Метафора падающей из-за отсутствия «воздуха для дыхания» звезды имеет экзистенциальное содержание, подчеркивая безжизненность ночного пространства.

Пространство в художественном мире А. Платонова, как и время, обретает качественную определенность только будучи соотношенным с человеком или в человеческом восприятии: «...Чепурный отставил ногу и притаился – из глуши степных далеких мест *пахло грустью расстояния и тоской отсутствия человека*» (с.219). Пространство, даже предметно заполненное, но лишенное человеческого присутствия, оказывается парадоксально пустым: «Уныло гудели маломощные паровозы, готовые к одолению *скучных осенних пространств, полных редкой и убогой жизни*» (с.248). Характеристики «заполненность» и «редкость» совмещаются в одном пространственном образе, порождая экзистенциальное ощущение скуки. Пустое, безжизненное пространство, существующее за пределами человеческого тела, в котором локализована жизнь, становится для платоновского героя синонимом одиночества: «Он (Прокофий Дванов. – Л. Ч.) поднял кусок *скучной глины* и бросил его куда-то в *одиночество*» (с.297). Пространство, лишенное человеческого присутствия, теряет свою значимость, становясь пустотой, имеющей, как и время, значение «горя»: так, например, Чепурный «в сочельник коммунизма» радуется появлению в поле чужого прохожего человека, сознавая, что «не появишься он сейчас, Чепурный *заплакал бы от горя в пустом и постном Чевенгуре*» (с.219).

Пространственные отношения в платоновском художественном мире строятся по принципу сопряжения бесконечно малых и бесконечно больших величин: «заблудившейся мухи» и «высоты лунного света», «отсохшего листа» и «всего мира», «одинокое дерева» и «светлой погоды», человека и «далнего неба», «одинокое Чевенгура» и «глубокой вышины». Подобные пространственные соотношения подчеркивают экзистенциальное одиночество каждого предмета в материально заполненном мире. Ощущение трагедии одиночества человека создается писателем и через сопоставление малого пространства, освоенного людьми, и бесконечного пространства Вселенной: «Кузница была открыта в лунную ночь на всю земную поверхность...» (с.458); «Вдалеке неустанно гудел какой-то срочный поезд – его стискивали тяжелые пространства, и он, вопя, бе-

жал по глухой щели выемки» (с.93); «...с высоты крыльца он видел лунную чистоту далекого масштаба, печаль замершего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мучения, что всеми забыто, чтобы не иметь страха жить дальше» (с.454). Таким образом, в пространственных отношениях реализуется экзистенциальная тема *одиночества, отчуждения человека от мира*. Огромный пространственный масштаб, противостоящий тесному, ограниченному миру, освоенному человеком, демонстрирует, с одной стороны, тщетность жизненных усилий человека, направленных на преодоление пространства и времени, через соотношение напряженной преобразующей мир деятельности и неизменности вечного природного вещества, а с другой – открывает онтологическое пространство жизни, временные и пространственные перспективы существования человека, дающие ему новые возможности, и указывает цель его стремлений.

Платоновский герой включается в пространство и время всего бытия, образующие провал, в котором человек чувствует себя потерянным: «Небо было так *пустынно, что допускало вечную свободу...*» (с.453). Характеристики пространства («*пустынно*») и времени («*вечную свободу*») соединяются, создавая образ пространственно-временной бездны, поглощающей человека.

Пространство-время часто обозначается А. Платоновым не имеющими определенности понятиями – «ночь», «лето», «день» и т.д. Пространство, таким образом, получает временную характеристику, а время приобретает пространственный, энтропийный характер: «Его пеший путь лежал *среди лета...*» (с.369); «Вощев захватил свой мешок и отправился *в ночь...*» (с.368). В таких конструкциях слова «лето», «ночь» выступают не только как названия времени года и времени суток, но и приобретают значение пространственной характеристики всего света. В результате создается энтропийная картина мира, в котором отсутствуют движение и какие-либо качественные изменения, мира, погруженного в бесконечные, неохватные день, ночь, лето, зиму и вызывающего у человека экзистенциальное ощущение своей затерянности и незначительности. Границы между

временем и безвременьем, между пространством и бесконечностью стираются, создавая экзистенциальный образ мира как лишенной бытийных опор бездны: «Вечернее небо виднелось продолжением степи, и конь под чевенгурцем глядел на бесконечный горизонт как на страшную участь своих усталых ног» (с.167).

Деформация, искажение пространства и времени используются А. Платоновым не только как способы создания неповторимой художественной Вселенной, но и приобретают философскую значимость, являясь средством характеристики экзистенциального мироощущения платоновских персонажей. Время и пространство могут не только соединяться в едином образе, но и осуществлять взаимопереходы. Причем образы, передающие пространство при помощи временных характеристик, имеют динамический, жизнеобразующий характер, тогда как временные образы, получившие пространственную характеристику, – статический, энтропийный. Живое показано в потоке времени, связывающем настоящее и будущее, а неживое – в пространственной статике: «А меж тем *сквозь время* настигла Градов печальная зима»³; «Лишь изредка шелестели голые ветлы на пустом сельсоветском дворе, *пропуская время к зиме*»⁴; «Сквозь зиму Пухов жил *медленно, как лез в скважину*. Работа в цехе отягощала его – не тяжестью, а унынием»⁵. Пространственная реализация образа времени за счет употребления пространственного наречия «сквозь» в соединении со временными понятиями позволяет передать характер течения времени – его замедленность, неизменность, а также соотнести временные уровни: указание на то, что зима «настигла» город «сквозь время», служит доказательством существования природного цикла вне времени.

В пространственных категориях воспринимают свою жизнь и чевенгурские «прочие», существование которых отличается неизменностью и статичностью, – как «прояденное пространство земли, соответственное прожитой осиленной жизни» (с.254). И напротив, пространство, по которому осуществляет движение человек, пространство динамическое, способно становиться временем:

«Рыба играла на речных плесах, деревья чуть-чуть трогались желтой сединой, земля лежала голубым пространством в ту сторону и в тот век, куда шел Кирпичников, где его ждало время, роскошное, как песнь»⁶. Пространство для странника – как «манящая даль жизни», открывающая будущее. Динамическое взаимоперетекание пространства и времени создает картину движения жизни, реализуя в хронотопе платоновских произведений диалектику статико-динамических отношений.

Временные и пространственные характеристики способны заменять друг друга. Двухнаправленная стрела, обозначающая в модели памятника Саши Дванова⁷ бесконечность пространства, может служить и символическим воплощением идеи двухнаправленности временного потока, движущегося одновременно в прошлое и будущее. Такой ощущает свою жизнь Захар Павлович: «Свою будущую жизнь он раньше представлял синим глубоким пространством – таким далеким, что почти несуществующим. Захар Павлович знал вперед, что чем дальше он будет жить, тем это пространство пережитой жизни будет уменьшаться, а позади удлиниться его мертвая растоптанная дорога. Но он обманулся: жизнь росла и накоплялась, а будущее впереди тоже росло и простиралось глубже и таинственней, чем в юности, словно Захар Павлович отступал от конца своей жизни, либо увеличивал свои надежды и веру в нее» (с.36–37). Время и пространство, таким образом, соединяются в сознании героя, и временное движение жизни раскрывает перед человеком новые перспективы, понимаемые им как возможность пережить бесконечное пространство становящегося бытия. Пространственное восприятие жизни, свойственное платоновским героям, обуславливает тот факт, что пространственные масштабы бытия обретают экзистенциальную значимость, так как видятся ими как открытые возможности осуществления своей жизни: «На вокзале Дванов почувствовал тревогу заросшего, забвенного пространства. Как и каждого человека, *его влекла даль земли*, будто все далекие и невидимые вещи сучали по нем и звали его» (с.57–58).

Пространство дает человеку возможность воспринять и пережить открывающую полноту бытия, приобщаясь к ней движением или соединением с ним: «Во сне он увидел большие деревья, выросшие из бедной почвы, кругом их было воздушное, еле колеблющееся пространство, и вдаль терпеливо уходила пустая дорога. Дванов завидовал всему этому – он хотел бы деревья, воздух и дорогу забрать и вместить в себе, чтобы не успеть умереть под их защитой» (с.70).

Преодоление пространства для платоновских героев обозначает преодоление одиночества, а движение по пространству понимается как движение по жизни. Течение *физического времени* осуществляется без участия человека, и потому он зачастую не способен воспринять временное осуществление жизни, тогда как движение по пространству позволяет человеку воспринять полноту бытия как нечто непосредственно сопричастное его жизни. Поэтому движение по пространству в художественном мире А. Платонова имеет философскую значимость, соответствуя движению по жизни. Движение открывает человеку новые пространства, раскрывает будущее, позволяя по-новому проявить себя: «Тронем на рысь, товарищ Копенкин, – сказал Дванов, преисполнившись силой нетерпения к своему будущему, ожидающему его за этой дорогой» (с.135). Через странничество пространство приобретает свойство времени – подвижность, и потому странничество является воплощением единства времени и пространства, а значит, дает платоновским героям ощущение полноты жизни⁸. Движение создает картину изменения жизни, поэтому неизменность собственного сознания и существования тяготит их меньше: от «движения по ровному месту... сознание уменьшалось» (с.134), а председатель губисполкома Шумилин из романа «Чевенгур» полагает, что «от скорости сила тяготения, вес тела и жизни уменьшается, стало быть, оттого люди в несчастье стараются двигаться. Русские странники и богомольцы потому и брели постоянно, что они рассеивали на своем ходу тяжесть горюющей души народа» (с.271). *Физическое передвижение* платоновских героев приобретает, таким образом, *метафизический смысл*.

Движение удаляет платоновских героев от привычной среды, но приближает их к природе. Физическое перемещение в пространстве ведет к изменению душевного состояния героев: «За городом Чепурный почувствовал себя свободней и умней, снова перед ним открылось успокоительное пространство. Лесов, бугров и зданий чевенгурец не любил, ему нравился ровный, покатый против неба живот земли, вдыхающий в себя ветер и жмущийся под тяжестью пешехода» (с.166). Таким образом, пространственное движение позволяет герою увидеть свое родство с природой, «очеловечивает» ее. Если время для человека равно горю, поскольку ограничивает его существование, ставит ему предел, то пространство, напротив, открывает ему жизнь, раскрывая новые возможности бытия, что реализуется в образе дороги, уходящей вдаль, а преодоление пространственных расстояний для платоновских героев означает преодоление одиночества и побуждает их к активным действиям: «Звездное небо и сознание своего низкого роста под тем небом увлекали его на большое чувство и немедленный подвиг. Пашинцев застыдил себя перед силой громадного ночного мира и, не обдумывая, захотел сразу понять свое достоинство. <...> Все большое по объему и отличное по качеству в Пашинцеве возбуждало не созерцательное наслаждение, а воинское чувство – стремление превзойти большое и отличное в силе и важности» (с.133).

Человек, как указывает А. Платонов в статье «Симфония сознания», «живет не в пространстве-природе и не в истории-времени-будущем, а в той точке меж нами, на которой время трансформируется в пространство, из истории делается природа»⁹. А. Платонов видел задачу, цель прогресса в примирении человеком времени и пространства, прошлого и будущего, в прорыве к онтологической вечности, где характеристики времени и пространства неразделимы. Эта идея художественно реализуется А. Платоновым в образе странника. Странничество для платоновских героев не просто физическое перемещение в пространстве, но и прорыв из ограниченности собственного существования в разомкнутое, открытое пространство бытия, имеющее философскую функцию утверждения единства человека, вопло-

щающего идею времени и природы как реализованного пространства. Через постижение пространства человеку открывается временная значимость собственного существования, его причастность к вечности, так как жизнь осуществляется в пространстве, а человек, являясь началом, оживляющим, одухотворяющим бытие, обнаруживает свою функцию в природном мире через движение, раскрывающее онтологическое родство человека и мира. Странник ощущает собственное движение как соприкосновение с вечностью времени и бесконечностью пространства. В сознании человека характеристики вечности и бесконечности соединяются, и потому пространственное движение постигается им как движение жизни во времени. В художественном мире писателя это находит отражение в совмещении пространственных и временных образов как эмпирических и онтологических в мышлении платоновских героев: «По мере движения солнца к полуденному зениту все яснее в мозгу человека освещалось будущее, как завоевание Вселенной и как синяя бездна великой души, обнявшей стихию мира, как невесту» (с.164). Движение, таким образом, открывает человеку понимание смысла собственного существования.

Платоновские герои бессознательно испытывают тягу к движущимся предметам – колесу, телеге, паровозу, воде, служащим для них символом вечного движения и изменения жизни. Таков, например, нищий странник Фирс из романа «Чевенгур», который «всю свою дорогу, всю жизнь... шел по сырой земле», поскольку «ему нравилась текущая вода, она его возбуждала и чего-то требовала. <...> Близ ручьев и перепадов он садился и слушал *живые потоки*, совершенно успокаиваясь и сам готовый лечь в воду и принять участие в полевом безымянном ручье» (с.175). А для пешехода Луя, по определению Чепурного, «дорога не труд – одно развитие жизни» (с.187), и коммунизм представляется ему «непрерывным движением людей в даль земли» (с.192).

Стремясь к вечности, герои Платонова стараются расширить границы времени и пространства, выйти за их пределы. Герои пытаются приобщить мгновение своей жизни к вечности, проводя аналогии с прошлым. Человек оказывается способным прожить

вечность в одной минуте: разрывая повседневное время, человек проникает в *безвременье*, где царит единство пространства и времени. Мир ограничен для человека не действующего, а для странника бытие бесконечно.

Кратковременность человеческого существования делает особо актуальным вопрос о необходимости движения жизни и заполненности времени действиями, направленными на утверждение бесконечности и качественное преобразование жизни. Природные существа, в отличие от человека не осознающие своей смертности, не способны воздействовать на время. Время как «предчувствие грядущего будущего» (с.62), которое творит сам человек, существует только для личности. По определению Саши Дванова, «творить у природы нет особого дара, она берет терпением...» (с.75). Человек, способный служить «началом» «для всякого механизма», имеет «*угол опережения жизни*», тогда как даже «птицы – сами себе конец» (с.34).

«Угол опережения» дает человеку возможность обновлять жизнь, наполнять ее новым содержанием, а не только двигаться в соответствии с определенным порядком. В *труде*, в *искусстве*, в *научных открытиях* человеку дается возможность повлиять на время. В деятельности писатель акцентирует функцию связи различных временных уровней, эпох и отдельных моментов времени. Так, искусство, связывающее различные поколения, понимается платоновскими героями как «что-нибудь *всемирное* и замечательное» (с.125). Созерцание прекрасных колонн в форме женских ног погружает Дванова и Копенкина в «тишину феодализма» (с.125), соединяя их с прошлым. Научная деятельность также осуществляет связь между различными эпохами: например, изобретатель «эфирного тракта» Егор Кирпичников, делая доклад о своем открытии, перебрасывает мост из настоящего в прошлое и будущее, раскрывая значимость изобретения как научного труда целого ряда поколений: «Кирпичников сделал доклад об открытии эфирного тракта и его промышленной эксплуатации в ближайшем будущем. Он начал с работ аюнитов в этом направлении, подробно остановился на труде Ф.Н. Попова, которого и следует считать изобретателем эфирного тракта, затем изложил историю поисков своего отца и за-

кончил кратким указанием на свою работу, завершающую труд всех предшественников»¹⁰.

Полнота своего существования ощущается платоновским героем, если он чувствует связь собственного временного цикла с онтологией бытия человечества – историей, в которой реализуется идея высшего смысла существования человека. История творится человеком, и потому историческое время имеет характеристики, свойственные времени человека, определяясь как «горе» и «тоска»: «История грустна, потому что она время и знает, что ее забудут» (с.286), – говорит Саша Дванов. Подобно времени человека, история «ходит по кругу», поскольку людям свойственны «обольщение собственной жизнью», эгоизм «личного времени» (с.309), заставляющие человека «начинать все сначала», так как «каждый день для него – сотворение мира». Движение исторического времени осуществляется, когда человек выходит за пределы эгоистической привязанности к себе. Так, о большевиках, творящих историю, А. Платонов пишет: «Они еще не знали ценности жизни, и поэтому им была неизвестна трусость – жалость потерять свое тело. <...> Они были неизвестны самим себе. Поэтому красноармейцы не имели в душе цепей, которые приковывали бы их внимание к своей личности. Поэтому они жили полной общей жизнью с природой и историей, – и история бежала в те годы как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности» (с.296). «Общим делом», дающим платоновским героям возможность осознать свою причастность к вечности, придающим осмысленность и значимость отдельному человеческому существованию, становится революция: «До революции Копенкин ничего внимательно не ощущал – леса, люди и гонимые ветром пространства не волновали его и он не вмешивался в них. Теперь наступила перемена. Копенкин слушал ровный гул зимней ночи и хотел, чтобы она благополучно прошла над советской землей» (с.117). Революция объединяет людей, для которых даже процесс еды становится явлением общественным, онтологически значимым, соединяющим человека с жизнью народа и природным бытием: «Город сытно пировал. Теперь все люди знали, что хлеб растет трудно,

растение живет сложно и нежно, как человек, что от лучей солнца земля взмокает потом мучительной работы; люди привыкли теперь глядеть на небо и сочувствовать земледельцам, чтобы погода шла путная, чтобы снег таял враз и вода на полях не застывала ледяной коркой: это вредно озимым. Люди обучились многим неизвестным ранее вещам – их профессия расширилась, *чувство жизни стало общественным*. Поэтому они нынче смаковали пышки, увеличивая посредством этих пышек не только свою сытость, но и уважение к безмянному труду: наслаждение получалось двойное» (с.152).

Онтологическую значимость связи различных временных уровней раскрывает в работе «Смысл истории» Н. Бердяев. Земное время, разорванное на прошлое, настоящее и будущее, характеризуется философом как «порочное», поскольку уловить его нельзя, ибо в нем «всякая реальность распылена, раздроблена, разорвана»¹¹. Возможность победы над природой земного времени философ открывает в христианской религии, дающей возможность осознать причастность индивидуальной судьбы к судьбам человечества. Рассматривая метафизику истории, Н. Бердяев указывает, что так же как «во времени возможно вхождение вечного, – возможен и разрыв замкнутости времени и выход времени в вечность, когда какое-то вечное начало в нем действует»¹². Время, по определению Н. Бердяева, «не есть замкнутый круг, в который ничего не может проникнуть из вечной действительности, а есть нечто размыкающееся»¹³. Время существует не как «бездвижная вечность», а имеет онтологическое значение, поскольку свойственно самой сущности бытия. Человеческое время, по Бердяеву, существует как нечто «внедренное в глубину вечности», а совершающийся в настоящее время мировой исторический процесс «зачинается в вечности»¹⁴. По мысли Бердяева, «метафизика истории может быть раскрыта лишь при динамическом, а не закостенелом понимании природы мирового процесса»¹⁵, при понимании истории не как замкнутого круга действительности, а как процесса, связанного с корнями бытия и значимого для вечности. Смысл истории, совершающейся на этапе современности «данного земного эона», Н. Бердяев видит в том,

чтобы «войти в какую-то полноту вечности, чтобы этот эон, выйдя из состояния своего несовершенства, дефектности, вошел в какую-то полноту бытия жизни вечной»¹⁶. Для этого необходимо преодолеть разорванность временной действительности на отдельные моменты, так как эта разорванность заключает в себе «злое, смертоносное начало»¹⁷, поскольку будущее всегда уничтожает прошлое.

Прорыв, выход к онтологической вечности понимается платоновскими героями как необходимое условие жизни. Не случайно сюжетную основу платоновских произведений составляют экзистенциальные поиски смысла жизни, путей преодоления времени и соединения с пространством бытия.

Примечания

¹ Платонов А. Чевенгур. М., 1990. С.170. Далее ссылки даются на это издание с указанием страниц в тексте.

² Здесь и далее курсив наш. – Л.Ч.

³ Платонов А. Избранные произведения. М., 1983. С.258.

⁴ Там же. С.146.

⁵ Там же. С.337.

⁶ Там же. С.111.

⁷ Сама идея памятника эпохе, отражающая представление о мире как объекте, движущемся во времени и пространстве, близка «Проекту Памятника III Интернационала» (1919) Татлина. Этот проект являет собой «символическую движущуюся “планетарную” модель Земли и, по замыслу автора, должен был выражать космический размах грядущей мировой пролетарской революции» (Байдин В. «Космический бунт» русского авангарда // Российский ежегодник. 1990. Вып. II. С.33).

⁸ Понимание странничества как способа обретения себя и мира свойственно «родоначальнику русской философии» Григорию Саввичу Сковороде, учение которого изложено в книге В. Эрн, вышедшей в 1912 г. Для Сковороды «странничество было способом свободного поиска истины, возможностью утоления томившей его духовной жажды, формой творческой сосредоточенности и самореализации, нравственного самопостижения и самосовершенствования» (Эрн Вл. Григорий Саввич Сковорода: Жизнь и учение. М., 1912. С.192).

⁹ Платонов А. «Симфония сознания» (Этюды о духовной культуре современной западной Европы) // Здесь и теперь. 1993. №1. С.319.

¹⁰ Платонов А. Избранные произведения. М., 1983. С.164.

¹¹ Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С.146.

¹² Там же. С.51.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С.52–53.

¹⁶ Там же. С.54.

¹⁷ Там же.